

Дождь лил так, будто небо раскололось.

Поле для молодежного турнира давно превратилось в месиво из грязи, лужи скрывали обувь, и каждый шаг сопровождался липким чавканьем. Команда Лу Цзина была обута в кеды, купленные на секонд-хенде; их подошвы были тонкими, как бумага, пальцы ног онемели от холода, но никто не просил об остановке. У них не было ни тактической схемы, ни кричалок, не было даже тех, кто кричал бы «пас» — только тяжелое дыхание да бег.словно стая дворовых псов, вырвавшихся из клетки, они бросались на элитный резервный состав, который Се Линь лично дрессировал, исповедуя религию «точных передач».

Противники были в заказных бутсах, на их тактической доске значилось семь вариантов развития атаки, а каждый игрок работал с безупречной синхронностью часовых шестеренок. Но когда они попытались в три касания прорвать оборону, их встретил бестолковый, хаотичный штурм. А-Е коряво, словно пьяный, ворвался с левого фланга и наотмашь сломал ритм чужой полузащиты. Дачжун, приняв на себя троих опекунов, использовал собственное тело как щит и переправил мяч на Лао Чжоу. Хромая, Лао Чжоу ткнул носком в грязную жижу, мяч взлетел, а запасной нападающий Сяо Чэнь с лёта вколотил его в штангу.

— Это что, блядь, футбол?! — взревел в дождевой пелене капитан элитной команды. — У них даже позиционной игры нет!

— Отсутствие схемы, — стоя у кромки поля под низко опущенным черным зонтом, произнес Се Линь, наблюдая, как дождевая вода стекает по спицам и собирается у его ног маленькой лужицей, — и есть самая страшная схема.

Его слов никто не услышал.

Лу Цзин тяжело дышал в центральном круге, дождевая вода заливала глаза, вызывая жгучую боль. Он не смотрел на тактическую доску, не смотрел на соперников, а не отрывод глядел на фигуру напротив — на Се Линя, который стоял неподвижно, словно вымытая ливнем каменная статуя. Он помнил, как семь лет назад Се Линь точно так же стоял и смотрел, пока он в последние десять минут финала в одиночку протаскивал мяч сквозь пятерых защитников, совершал подкат, разворачивался и левой ногой закручивал сумасшедшую дугу в самую «девятку», впритык к перекладине.

Тот удар принес ему славу, но он же стал и фитилем, приведшим к дисквалификации.

А теперь он снова это увидел.

Нападающий противника с мячом ворвался в штрафную. Центральный защитник Лу Цзина, Дачжун, бросился наперерез, но был сбит с ног. Мяч покатился в пустые ворота, форвард занес ногу для удара, готовясь завершить дело...

Лу Цзин двинулся.

Он бросился не за мячом — он бросился на человека, собиравшегося бить. Осел на правое бедро, оттолкнулся левой ногой, взметнувшись вперед подобно сорванной с тетивы стреле, и пошел в подкат. Нестандартный, без подсказок тренеров, без видеоанализа и даже без защитных щитков — но сама поза, угол атаки, изгиб напряженного позвоночника в этом слитном полете...

Это был фирменный подкат Лу Цзина семилетней давности.

Мяч был перехвачен.

Брызги грязи разлетелись во все стороны, Лу Цзин грохнулся в слякоть, колени пронзила жгучая боль, но он рассмеялся. Краем уха он услышал, как кто-то на бровке судорожно ахнул.

Зонт в руках Се Линя чуть качнулся.

На скамейке запасных вратарь Сяо Чэнь, получивший тяжелый удар при попытке отразить мяч и сломавший два ребра, лежал на носилках и заливался истерическим смехом. Кровь сочилась из уголка его рта, смешиваясь с дождевой водой:

— Брат... чему ты нас учил... дело не в победе... а в том, чтобы они боялись!

Лу Цзин поднялся на ноги, не обращая внимания на разбитые колени, подбежал, подхватил Сяо Чэня на руки и бросился к машине скорой помощи. Кровь Сяо Чэня обагрила его грудь, но этот смех резал по сердцу безжалостным лезвием. Он помнил, как сам семь лет назад смеялся точно так же — лежа на траве со сломанной ногой, заливая поле кровью и глядя на подбегающего Се Линя: «Я еще могу играть, тренер».

Когда двери скорой захлопнулись, он обернулся.

Машина Се Линя стояла в пятидесяти метрах от поля. Черный внедорожник с горящими фарами, похожими на два молчаливых глаза. Ни движения, ни попытки подойти, ни выхода наружу. Сквозь дождевую завесу автомобиль казался глухой стеной.

Лу Цзин не кричал, не ругался и не уходил. Прижав к себе Сяо Чэня, он забрался в машину; двери закрылись, отрезав шум дождя и ту проклятую вспышку света.

Одиннадцать часов вечера, в кабинете Се Линя всё еще горел свет.

Помощник на цыпочках приоткрыл дверь, намереваясь поставить чашку горячего кофе, но, заметив лежащий на столе блокнот, замер на пороге.

Это был старый потрепанный блокнот в кожаном переплете с залоснившейся обложкой.

Страницы внутри пестрели плотно исписанными колонками ручных записей: рост игроков, вес, скорость рывков, количество касаний мяча, траектории бега, психологическое состояние... Каждая страница была посвящена Лу Цзину. Ровно три месяца — с марта по июнь 2017 года, обновления в три часа ночи ежедневно, почерк до странного маниакально-аккуратный.

Помощник сглотнул слюну и перелистнул на последнюю страницу.

Эта строчка была выведена карандашом, легко и едва касаясь бумаги — словно автор боялся кого-то разбудить.

Он должен был стать MVP лиги, а не выброшенным за бортом.

Помощник не смел шевельнуться.

Се Линь сидел за столом в темноте, не включая свет, освещаемый лишь лунным светом из окна. На безымянном пальце его левой руки по-прежнему блестело старое кольцо — его Лу Цзин тайком надел на него в ночь победы, назвав это «доказательством чемпионства». Позже Се Линь снял его со словами: «Ты недостойн».

Но теперь это кольцо лежало в ящике стола вместе с пожелтевшей фотографией.

На фото Лу Цзин в форме команды-победительницы, испачканный грязью с ног до головы, беззаботно улыбался, пытаясь всучить кубок в руки Се Линю. У Се Линя тогда еще не было шрама, а взгляд был чистым, как небо после грозы.

Помощник тихо произнес:

— Тренер Се, вы... не хотите навестить Лу Цзина? Сяо Чэнь тяжело травмирован, в больнице говорят, что может...

— Не нужно, — оборвал его Се Линь. Голос его звучал глухо, как шуршание ветра по сухим листьям. — Ему не нужна жалость. Ему нужно... чтобы кто-то помнил, как он играл в футбол.

Помощник удалился.

Се Линь поднялся и подошел к окну. Снаружи всё еще лил дождь. Он выдвинул ящик стола, достал флешку и вставил ее в компьютер.

Экран загорелся, воспроизводя зашифрованное видео — восемьдесят девятая минута финального матча семилетней давности.

Лу Цзиню злонамеренно ломают ногу, он падает на газон, из штанины хлещет кровь, но он опирается левой рукой о землю и сантиметр за сантиметром подползает к отлетевшему мячу. Трибуны визжат, свистит судья, соперник падает на колени с извинениями. Но Лу Цзин поднимает мяч, встает и смотрит в камеру с такой улыбкой, будто говорит: «Я еще не проиграл».

В самом конце видео Се Линь выключил питание и тихо произнес:

— В тот день ты не плакал. Плакал я.

Он вытащил флешку и убрал ее во внутренний карман пиджака.

Затем взял телефон и набрал номер.

— Завтра же перенесите тренировки Группы Никчемы из сектора Б на главное поле сектора А. Выделите им штатного диетолога, физиотерапевта, тренера по физподготовке...

В трубке несколько секунд царило молчание:

— Вы уверены? Они... они ведь даже элементарную тактику запомнить не могут.

Се Линь посмотрел на дождь за окном, и его тихий голос врезался в воздух острием гвоздя:

— Им не нужно запоминать тактику.

— Им нужно лишь... помнить, как играют в футбол.

Он сбросил вызов, повернулся и направился к тренировочному полю.

Дождь продолжал идти.

Он шел без зонта.

Шаги тонули в лужах, а взлетающие брызги напоминали ту самую каплю крови, что упала на его штанину семь лет назад, когда Лу Цзин рухнул на газон в финальном матче.

Он шел очень медленно, словно преодолевал дорогу, которую сжег собственными руками.

А в это время у дверей отделения неотложной помощи больницы Лу Цзин прислонился спиной к стене, сжимая в пальцах серебряную зажигалку — на ней отчетливо проступало

выгравированное имя: Jing.

Он опустил голову, глядя на то, как язычок пламени то вспыхивает, то гаснет у него на ладони.

Сяо Чэнь лежал внутри под капельницей, погруженный в сон, а на его губах все еще играла улыбка.

Лу Цзин внезапно усмехнулся.

Тихо пробормотав:

— Се Линь, сукин ты сын... ну и мастер же ты ломать комедию.

Он спрятал зажигалку в карман и шагнул обратно в дождевую мглу.

Он знал: Се Линь не пришел не потому, что не хотел. Он просто не смел.

Не смел смотреть в глаза человеку, который ради него сжигал доносы, брал на себя чужую вину и собственными руками разрушал собственное будущее.

Но Лу Цзин знал и другое.

Он пришел сюда вовсе не для того, чтобы заискивать.

Он пришел для того, чтобы ту искру, которую Се Линь попытался закопать в землю...

Зажечь снова.

<http://bllate.org/book/19070/1873129>